

PRO MEMORIA

А. Г. Бенн

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ПРОФЕССОРА МАРКА БЕНТА

Статья посвящена обзору-резюме научного и профессионального наследия М. И. Беннта и краткому предисловию к его работе о швейцарском писателе Максе Фрише.

Ключевые слова: научное наследие, стиль, интертекстуальность, герменевтика, экзистенциализм.

Марк Иосифович Бенн (10 ноября 1937 – 8 декабря 2011) – один из ведущих отечественных специалистов по истории немецкой литературы классико-романтического периода, в том числе творчества Гёте и Клейста. М. И. Бенн – автор первой монографии на русском языке о романе Гёте «Страдания юного Вертера» (1997), фундаментального исследования истории немецкой романтической новеллы (1987). Помимо этого, он успешно исследовал как немецкую литературу иных периодов, так и литературу Англии, Франции, США, других стран.

М. И. Бенн выступал также и в качестве литературного критика, публиковал обзоры и критические статьи в журналах «Вопросы литературы», «Литературное обозрение», «Художественная литература за рубежом», «Реферативный журнал: Общественные науки за рубежом: Литературоведение» и др.

Марк Бенн перевел с немецкого языка ряд книг, среди которых избранные труды великого австрийского писателя XX в. Г. Броха и классический труд В. Кайзера «Произведение словесного искусства» (в соавт. с Н. С. Лейтес).

Профессор М. И. Бенн не только занимался научной работой, но и уделял огромное внимание непосредственно работе со студентами, формируя профессиональную культуру и расширяя кругозор будущих филологов, лингвистов, преподавателей, журналистов. Его уникальный талант лектора был признан всеми поколениями студентов. Как единственный преподаватель зарубежной литературы молодого университета, М. И. Бенн с 1978 по 1987 г. читал все курсы истории зарубежной литературы (от античности до современности). В последующие годы М. И. Бенн читал лекции по 10 дисциплинам: «История античной литературы», «История зарубежной литературы

средних веков и эпохи Возрождения», «История зарубежной литературы XVII–XVIII вв.», «История зарубежной литературы XIX в. (романтизм)», «История зарубежной литературы XIX в. (реализм)», «История зарубежной литературы конца XIX – начала XX в.», «История зарубежной литературы XX в. (1-я половина)», «История зарубежной литературы XX в. (2-я половина)», «История литературы изучаемого языка (литература Германии, Австрии, Швейцарии)», «История литературы изучаемого языка (литература Франции, Бельгии)»; разработал несколько оригинальных спецкурсов и спецсеминаров: «Гёте и романтизм», «Немецкая романтическая новелла», «Новеллистика Э. Т. А. Гофмана», «Австрийская новелла XIX–XX вв.», «Преподавание зарубежной литературы в средней школе», «Зарубежная новелла XIX–XX вв.», «Художественный перевод», а также фундаментальный спецкурс «Проблемы всемирной литературы (Морфология мирового литературного процесса)».

Высокая научная культура и профессионализм, глубокие и разносторонние знания по всевозможным вопросам филологической и – шире – гуманитарной сферы, интеллигентность снискали М. И. Беннту уважение коллег и искреннюю любовь студентов, сделали его легендарной фигурой в Челябинском государственном университете.

Предлагаемая для публикации в настоящем издании статья о швейцарском писателе Максе Фрише была написана в 1975 г. в связи с переводом и публикацией его романа «Назову себя Гантенбайн» в журнале «Иностранная литература» (1975, № 4–6). По всей вероятности, статья была написана для журнала «Литературное обозрение». Сохранилась она в рукописном виде, в тетради, наряду с библиографическими записями иноязычных источников и краткими

аннотациями к ним, рецензией на немецкое издание в 1973 г. книги «Понятие художественной критики в немецком романтизме» Вальтера Бенямина, известного и самобытного писателя и литературоведа, и «резюме» диссертации Марка Бента по новеллистическому творчеству Г. фон Клейста, написанным им для предполагаемых оппонентов.

Возможно, обстоятельства предстоящей защиты кандидатской диссертации в этом же 1975 г. помешали отправить обе названные нами статьи – о М. Фрише и о В. Беняmine – в соответствующие журналы: в «Литературное обозрение» и «Реферативный журнал». Дело в том, что Марк Бент не был аспирантом, а всего лишь соискателем кафедры московского вуза. В получении московской стажировки для подготовке к защите, по ходатайству Елабужского пединститута, в котором началась его «вузовская» стезя, был получен отказ, оставалось только совмещать преподавательскую работу с «наездами» в Москву для соблюдения всех процедурных моментов, которые выдвигались кафедрой. В письме к научному руководителю, профессору Борису Ивановичу Пуришеву, который в свое время «спас» Марка Бента и взял его, сверх своих аспирантов, в качестве соискателя, Марк Бент писал: «У меня не было бы причин беспокоиться, если бы продвижение к защите не шло в моем случае так затрудненно... Досрочное завершение работы над диссертацией также, очевидно, не может быть поставлено мне в упрек (насколько мне известно, это даже поощряется)».

Словом, Марк Бент жил интенсивной интеллектуальной работой, несмотря на обстоятельства и наперекор им, совмещая «жанры» (диссертационное исследование, литературный очерк, реферативная статья), «имена» и национальные литературы.

Нужно иметь в виду и обстоятельства написания статей в 1970–1990-е гг.: «пробиться» в центральные журналы «провинциальному», то есть не московскому автору было крайне сложно, да еще автору, занимающемуся зарубежной литературой. Разнообразие имен, которые попадали в поле зрения Марка Бента, конечно, объясняется не только спецификой его профессиональной «карьеры» (чтение лекций по всем курсам истории зарубежных литератур), но также и особенностями «вхождения» «провинциального» автора в такие содержательные и интересные журналы, как «Литературное обозрение» и «Вопросы литературы». Фактически

это было «предугадывание» запросов тех или иных журналов – какой литературный материал привлечет внимание редакторов, что может быть опубликовано. Что касается журнала «Литературное обозрение», в нем (как, впрочем, и в журнале «Иностранная литература») присутствовала негласная политика: на одно произведение писателей «капстран» должно приходиться два произведения писателей «соцстран». Это отразилось и в состоявшихся публикациях статей для этого журнала: сначала были опубликованы статьи о Г. де Бройне, Г. Канте, С. Хермлине и Э. Штриматтере, а затем уже об Э. Канетти, Г. Гауптмане и Ф. Кафке.

Макс Фриш был из того же, «враждебного» лагеря писателей «капстран», да еще с далекой от «критического реализма» творческой манерой. Не сохранилось никаких свидетельств возможной переписки с журналом «Литературное обозрение» по поводу Макса Фриша. Зато в домашнем архиве есть письмо из журнала «Иностранная литература». В ответ на предложение Марка Бента опубликовать перевод писем Генриха фон Клейста к 200-летию юбилею со дня рождения «единственного гениального поэта романтики» (Ф. Меринг), редакция мягко «попеняет» в элитарности предложения: массовый читатель еще не готов познакомиться с письмами Клейста, с которого недавно сняли ярлык реакционного писателя. Письма Клейста не опубликованы до сих пор.

Статья о М. Фрише, написанная как рецензия на «свежую» публикацию, как литературно-критический очерк, может рассматриваться в контексте теории и истории литературы. В статье очевиден общетеоретический подход к литературному процессу: «плотная» интертекстуальность прочтения (не только «литературная» – Евангелие, Мольер, Л. Кэрролл, Т. Манн, Л. Пиранделло, М. де Унамуно, Т. С. Элиот, Г. Грин, но и «общекультурная» – Р. Росселини, М. Антониони, не обозначенный по имени С. Дали) и герменевтический анализ, глубокое проникновение в ткань художественного произведения, способность увидеть в одном произведении масштаб всего творчества Макса Фриша.

Эта статья позволяет также увидеть специфику научной манеры, стилистической тональности, присущей Марку Бенту: совмещение «занимательности» и «привлекательности» для неосведомленного, «наивного» читателя, – и выверенной научной точности и оригинальности. Очевидно также и экзистенциальное ми-

роощущение Марка Бента («тотальный космос несвободы»), которое диктовало и выбор авторов (Гете, Клейст, Т. Манн, Кафка, Г. Брех), и интерпретацию литературных имен и текстов. Литературное произведение оказывалось вписанным в общефилософский контекст, а литературоведческая статья, в свою очередь, становилась историко-философской.

В нашу современную «постиндустриальную» эпоху экзистенциальное мироощущение оказалось имманентно близким и самому «нерафинированному» сознанию. Это, конечно, не означает, что народ «...с базара понесет» Макса Фриша. Но это свидетельство того, что в периоды всеобщих заблуждений ближе к истине оказываются писатели, не потакающие «массам», «массовой культуре». Эта проблема касается не только литературы, но и литературоведения. Культура «постмодерна» создала видимую заманчивость для занятий «массовой литературой»: в силу своей вторичности,

«формульности», она легче подчиняется «схеме». Но работать с «классикой» много труднее: попробуйте распознать классику в текущем литературном процессе, попробуйте «вчитать» культурный контекст. Этому мы можем научиться: Марк Бент обладал безошибочным литературным вкусом, внутренним эстетическим каноном, «академическим» профессионализмом. Видимая легкость языка его научных статей, литературность изложения – прежде всего свидетельство таланта автора. Дар слова, словесное богатство и словесное изобилие (как удивительное владение всеми оттенками значения слова – то, что бросалось в глаза любому человеку, и специалисту, и неспециалисту, в устной беседе и при знакомстве с научными работами, то, что привлекало к М. И. Бенту огромное внимание всех поколений студентов и создало в Челябинском госуниверситете прижизненную «легенду о Бенте».